

Алексей Будищев

Белая акация

Алексей Николаевич Будищев

Белая акация

Аннотация

«У окна моей тихой детской росли сосны, такие прекрасные, такие грустные сосны. Я родился на севере, под серым низким небом, у серых, холодных вод, где краски сумрачны и грустны, где по полугоду звучат унылые пени метелей, где люди хмуры мыслью и крепки, неотходчивы сердцем. Дни моего детства, осененного соснами, текли мирно и были полны самого беззаветного благополучия. Катанье со снежных гор, коньки, прогулки на парусной шлюпке, море и солнце, и сосны, сосны везде, – ах, сколько прелести несли дни детства, какими сказками обведали они мое сердце. А как негодующе гудели сосны в часы бурь! И какие высокие валы вздымало рассерженное море! И как отраднo было лежать в такие часы среди отдаленного рокота и тягучего гула, в теплой кровати, под приветливым одеяльцем и тихо засыпать под сказки матушки!..»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Алексей Будищев

Белая акация

*Белой акации гроздьба душистые
Вновь ароматом полны...*

Цыганский романс

I

У окна моей тихой детской росли сосны, такие прекрасные, такие грустные сосны. Я родился на севере, под серым низким небом, у серых, холодных вод, где краски сумрачны и грустны, где по полугоду звучат унылые пени метелей, где люди хмуры мыслью и крепки, неотходчивы сердцем. Дни моего детства, осененного соснами, текли мирно и были полны самого беззаветного благополучия. Катанье со снежных гор, коньки, прогулки на парусной шлюпке, море и солнце, и сосны, сосны везде, – ах, сколько прелести несли дни детства, какими сказками обведали они мое сердце. А как негодующе гудели сосны в часы бурь! И какие высокие валы вздымало рассерженное море! И как отраднo было лежать в такие часы среди отдаленного рокота и тягучего гула, в теплой кровати, под приветливым одеяльцем и тихо засы-

пать под сказки матушки!

Ах, они уже давно прошли те блаженные дни. Прошли навсегда, навсегда...

Я помню лишь один черный сон, одно черное мгновение среди светлых ласк, окружавших мою счастливую детскую. Я помню: моя молодая и озорная тетушка, только что приехавшая с юга, входит в мою детскую, как всегда звонко смеясь, припрыгивая и хлопая в ладоши. Я уже лежу в постели, но еще не сплю, и радуюсь тетенькиному приезду, протягиваю к ней навстречу обе руки. А она со смехом бросает на мои колени очевидно привезенную ею ветку с пахучей кистью белых мелких цветов. Я схватываю эту доселе невиданную мною кисть обеими руками. Но ее аромат, пряный, сладковатый и теплый, так больно толкает меня в мозг и сердце, что я начинаю плакать, горько плакать. А потом мне делается дурно, и мои глаза уходят под лоб.

– Глупый, глупый, – кричит надо мною озорная тетушка, – ему дурно от запаха белой акации! Боже, какой он глупый!

Мне стало дурно от запаха белой акации. Мне стало дурно от запаха этого цветка.

Почему?

А потом через четыре года умерла моя мать, а отец вскоре же разорился на рискованном предприятии по обработке красной глины. И первый же год моего студенчества я уже отчаянно боролся с нуждой. Помню, особенно остро давила меня нужда, когда я был на втором курсе. В то время мне ед-

ва исполнилось девятнадцать лет, и я был еще чистым, сентиментальным и целомудренным мальчиком, с едва заметным пушком на верхней губе. Подходило лето, каникулы, а я сидел на одном белом хлебе с изюмом и на жиденьком чае без молока. Помню, хлеб этот, бывший моей единственной пищей по целым неделям, назывался «стародубским», – продавался по пяти копеек за фунт, и потреблялся мною на 8 копеек в день. Помню и мой душный чуланчик с койкой вместо кровати. Целые дни, с утра до вечера, я бегал в погоне за уроками, а в бессонные ночи жадно и тщетно мечтал о деревенском приволье, о вкусном, густом и холодном молоке, о купанье где-нибудь в тихой речушке, о сдобных лепешках, о соснах, о милых, родных соснах.

И вдруг, в одной из газет мне попалось на глаза объявление:

«Ищут в отъезд репетитора».

Меня сразу точно приподняли на облака. О, если бы, о, если бы! Я стремглав бросился по адресу, указанному объявлением. Ужели стародубскому хлебу с изюмом пришел конец?

Когда я поднимался по лестнице, в те меблированные комнаты, куда так радушно приглашало газетное объявление, мне попался на встречу студент. Он уныло спускался с лестницы и поравнявшись со мною он со вздохом сказал:

– Мы опоздали с вами, товарищ, там уже наняли. Увы и ах, сказал Сирах!

Студент озорковато посвистал губами и кубарем скатился вниз.

Я на минуту застыл, как обмороженный. Ужель прощай сдобные лепешки? Купанье в речке? Милые тихие сосны?

– А, авось? – спросил я себя вслух и позвонил у дверей с захолонувшим сердцем.

Когда я вошел в комнату, меня встретила женщина, молодая, тонкая и стройная, с бледным лицом и до удивительности мягким взглядом серых продолговатых глаз.

И сразу же в мой мозг и в мое сердце шумно ворвался приторный дурманящий сознание запах, зажигающий кровь, который отделялся от волос женщины, от всего ее гибкого тела.

– Что это за духи? – подумал я, восторженувшись. – Как их название?

Между тем, та женщина сразу же, почти не давая опомниться, заговорила об условиях. Как оказалось, нужен был репетитор к ее двенадцатилетнему пасынку; к ее пасынку, ибо она была замужем за вдовцом. Условия были прямо таки восхитительные: ехать, в прекрасное имение на юг и притом богатейшее жалованье – 50 рублей в месяц на всем готовом. Но я неожиданно для самого себя вдруг заколебался. Почему? Почему?

Как вам ответить на это? Я затрудняюсь. Бывают, видите ли, ощущения, которые с трудом подаются каким-либо определениям, ощущения совершенно таинственного про-

исхождения, но они так властно засасывают в себя все существо человека, что бороться с ними бывает почти невозможно. Впрочем, все те ощущения, которые так остро всколыхнулись тогда в моем сердце я назвал бы инстинктивным предчувствием грядущих событий. Так, морская волна с беспокойством предчувствует, вероятно, приближение минуты прилива. И вся дрожит в темном предчувствии. Вот сейчас подойдет эта минута, и волну унесет туда, к неизвестным берегам, на встречу к островерхим скалам. А зачем и почему? И кто спросит, желает ли она этого?

В самом деле, сидя возле этой прекрасной молодой женщины с таким мягким и как бы податливым взглядом матовых серых глаз и переговариваясь с ней о вещах самых обыденных, я, как бы ясно и отчетливо сквозь пряный запах ее духов, сознавал, что если я соглашусь сейчас принять столь заманчивое предложение и войду в дом женщины этой, то последующие события, как бы они грозны для меня ни были, развернутся уже затем со всей неумолимостью и последовательностью логики, как физические последствия непреложного физического закона. И совершенно не соображаясь с моими желаниями. Брошенный вверх камень всегда упадет вниз на землю, и причем тут будут его желания? Два умноженное на два всегда даст в результате четыре. Всегда, непременно, везде. И какие силы земные и небесные могут воспрепятствовать исполнению этого результата?

Вот что было для меня ясно.

Уверяю: я как бы совершенно определенно сознавал, что если я только войду в эту головоломную задачу, задаваемую самой жизнью неизвестно для каких целей, то результат этой задачи будет подсчитан, затем, точно, безукоризненно точно, однако без всякого участия моей воли.

И вот поэтому-то я и медлил с ответом, поглядывая на молодую женщину. В то же время и она пытливо поглядывала на меня, и в ее мягком взоре теперь уже ярко сквозило жгучее беспокойство... И поэтому ее беспокойству я мгновенно сообразил с напряженной зоркостью, что я нужен этой женщине, именно я, а не другой и третий. И может быть не столько ей самой, сколь верховной судьбе, – той судьбе, что уже разрешила задачу и теперь только подыскивала нужные величины.

– Вы согласны? – спрашивала меня та женщина, мерцая глазами, – или вас не удовлетворяешь жалованье? Я, пожалуй, согласилась бы на надбавку? Говорите откровенно!

С взмокшим лбом я все еще молчал, бледнея.

– А почему вы отказали в этом месте тому студенту, который сейчас встретился со мной на лестнице? – вдруг спросил я ее резко.

Я видел, как вспыхнули ее щеки. Она смешалась. А я сердито и коротко рассмеялся. Через минуту, однако, она оправилась от своего замешательства и с притворной развязностью вновь заговорила со мной. Я односложно отвечал:

– Да, да. Нет, нет.

Когда она вторично осведомилась о том, согласен ли я принять место, о котором шла речь, я хотел сказать: – нет!

Но язык мой твердо выговорил:

– Да!

Ее щеки стали розовыми от удовольствия.

– Да, я согласен, – проговорил я вторично... – О, да!

Через полчаса я был уже дома и молчаливо складывал в чемодан листы лекций. А среди ночи я проснулся в страхе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.